

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ситуация в этом спектакле складывается с первых мгновений: в день приема по личным вопросам к заместителю министра здравоохранения одной из республик является неизвестный Посетитель и предлагает хозяину кабинета... добровольно уйти со своего высокого поста. Ни больше и ни меньше. Между тем уже фактически решен вопрос о назначении Андрея Андреевича Казмина на пост министра. Поначалу Казмину кажется, что Посетитель пьян. Однако эта версия скоро отпадает: человек, пришедший на прием, как говорится, в здравом уме и твердой памяти. Более того: ар-

же в том, что совесть Казмина жива, и когда он остался с ней один на один, когда не умом, а сердцем понял, как тесно его жизнь связана с жизнью (в буквальном смысле этого слова) других людей, он дрогнул. Нет, вовсе не о каком-то чудодейственном перерождении идет речь — просто человек нашел силы, мужество, чтобы вернуться к самому себе. Конечно, очень трудно человеку добровольно отказаться от нового, почетного назначения, оставить нынешний высокий пост, но еще сложнее ему дальше существовать в разладе с самим собой. Ведь само Время требует сейчас от нас предельной честности...

Слушаю Кирилла Юрьевича — и вновь ощущаю то, что чувствовал в зрительном зале тогда. Помню: хотя Лавров, без сомнения, хорошо знаком был в зале каждому, все мы в те минуты меньше всего воспринимали его как любимого, популярного актера. Да, в те мгновения этот человек — в строгом темном костюме, с легкой сединой в волосах — прежде всего был одним из нас, нашим современником, нашим чрезвычайно и полномочным представителем в этом непросто и принципиальном разговоре.

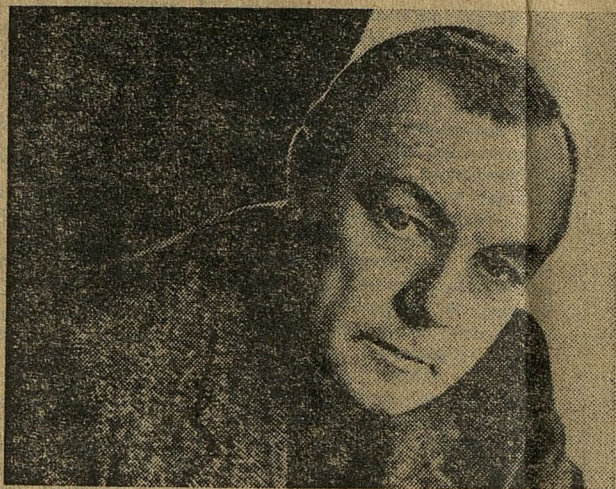
Какой силой убежденности должен обладать артист, чтобы добиться подобного результата!

Имея солидный житейский опыт, он знает про своих героев нечто большее, чем заложено в пьесе или сценарии. Чаще всего между актером и его героем возникают удивительные отношения: Лавров не просто лицедействует, не просто становится другим человеком, а как бы оказывается рядом со своим героем, чтобы не пропустить мгновения, когда тому трудно, вовремя подсказать нужное слово, поддержать — пониманием, согласием... В такой ситуации начинает играть уже сама актерская мысль, а художественным оружием актера становится его человеческая позиция. Дабы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы некоторых его сценических героев, чей характер, чья нравственность благодаря личности исполнителя обрели особую силу и обаяние: Сергей из «Иркутской истории», Платонов из «Океана», Тулупов из «Трех мешков сорной пшеницы»...

И образы из классического репертуара, казалось бы, давным-давно ставшие хрестоматийными, в трактовке этого артиста вдруг открываются нам совсем неожиданными гранями своего характера, обретают новое звучание. Так было и с его Соленым в «Трех сестрах», и с Нилом в «Мещанах», и с Городничим в «Ревизоре», а особенно — с Молчалиным: известный персонаж из «Горя от ума» в трактовке Лаврова оказался отнюдь не мелкотравчатый и скользкий холодец, а, наоборот, предстал во всей своей устрашающей силе. И пораженный зритель ощутил, что стоит за этой фигурой. Актер почувствовал это по особой качеству тишины в зале.

СЛЫШАТЬ

Герой
Социалистического
Труда,
народный
артист СССР,
делегат
XXVII съезда КПСС
Кирилл ЛАВРОВ
и его герои

МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ

гументы, которые Посетитель выдвигает в пользу своего, казалось бы, нелепого предложения, заставляют Андрея Андреевича крепко задуматься...

Спектакль «Последний посетитель», который по пьесе В. Дозорцева на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени Максима Горького поставил Георгий Александрович Товстоногов, посвящен XXVII партийному съезду. Поднятые в нем острейшие нравственные вопросы, касающиеся человеческих взаимоотношений и профессионального долга, честности и ответственности, заставляют зал то цепенеть до звенящей тишины, то взрываться овацией.

...Финальная сцена: Казмин остается со зрителем один на один — покинул кабинет Посетитель, ушел и помощник замминистра, передав Андрею Андреевичу листок с распоряжением завтрашнего дня. Так неужели после всего, что случилось сегодня, завтрашний день вновь пойдет по этому же, столь привычному расписанию? Тяжело задумался Андрей Андреевич в полумраке кабинета. Его взгляд падает на ленинскую фотографию в портретной рамке. Пристально смотрит Владимир Ильич прямо в глаза Казмину. Снимок растет... Вот он, кажется, занимает уже все сценическое пространство... Казмин медленно берет лист-шпаргалку и рвет — еще, еще, еще...

А потом в гримерной Кирилл Юрьевич Лавров, еще не остывший от спектакля, вместе с журналистом размышляет о своем герое:

— Свой высокий пост Казмин наверняка оставит — во всяком случае мы с Георгием Александровичем Товстоноговым в этом уверены... Однако уважаю своего героя не только за этот поступок. Поступок — следствие, причина

Как-то уж так получается, что если на сцене или экране — Лавров, мелкого разговора быть не может вообще. Сама личность актера не располагает к чему-либо второстепенному, проходному. И, наверное, совсем не случайно в его «послужном списке» немало героев, так или иначе связанных с темой революции. Ну, например, комиссар «Авроры», матрос Швандя, Семен Давыдов... Или Ведущий из спектакля «Правду! Ничего, кроме правды». Вероятно, такая работа может стать значительной только при том условии, если вложишь в нее собственное «я»: не просто общепринятое отношение к этим событиям, а именно СВОЕ, выстраданное. И артист это мое предположение подтверждает:

— Вот вы вспомнили о Ведущем. Работать над этой ролью оказалось особенно сложно, потому что автором не было задано никакого характера. Пьеса практически писалась прямо в театре, и в перечне действующих лиц сразу значилось: «От театра — Лавров». Поэтому искать в роли какую-то характерность возможности не было. Вместо этого требовался большой заряд гражданственности, убежденности в правоте нашего дела. И свои позиции отстаивать нужно было очень горячо и искренне. Ведь играл я нашего современника, который вместе со зрителем осмысливал позорный «процесс», на втором году Советской власти устроенный в США. Там — не более и не менее — «судили» Великую Октябрьскую революцию. Нет, я не мог себе позволить просто комментировать события. Я вмешивался в ход действия на сцене, иногда его останавливал, вступая в диалог с людьми из прошлого. Эта роль дорога мне именно своей боевой, гражданской позицией...

Что ж, этот человек отстаивать свою позицию — и художническую, и гражданскую — смолоду умел достойно.

Да, смолоду — потому что, когда в его детство ворвалась война, подросток без колебаний школьную парту сменил на токарный станок, а как только выпала возможность, ушел добровольцем в армию и потом долгие восемь лет нес службу на Дальнем Востоке.

— Конечно, было сложно, — вспоминает артист. — Было очень трудно. Но в результате, мне кажется, я прошел большую школу, которая впоследствии очень помогла и помогает сейчас — не только в жизни, но и в творчестве...

Именно там, в летной эскадрилье, он понял, что не в силах изменить фамильную традицию. Правда, в театральном институте учиться не довелось. Первая роль — там же, в далеком гарнизоне, на самодеятельной сцене, в симоновской пьесе. И когда после поступал в киевский театр, перед художественным советом читал стихи тоже любимого своего поэта Константина Симонова.

Надо же такому случиться, что спустя годы именно Симонов предложил молодому артисту БДТ в кинофильме «Живые и мертвые» главную роль, после которой на Лаврова обрушилась всеобщая слава. (Вспоминается одна деталь из моей уже давней беседы с Константином Михайловичем. Когда я заинтересовался, почему на роль Синцова писатель выбрал именно Лаврова, который по своим чисто внешним данным портрету героя, обрисованному в романе, вроде бы не очень уж соответствует, Симонов улыбнулся: «Да, в книге Синцов — длинный, долговязый, а Лавров — среднего роста, но, пожалуй, все-таки лучше актер хороший, чем длинный».)

И совсем особое волнение испытывает актер, когда на сцену или на съемочную площадку выходит в образе Владимира Ильича Ленина. По существу, весь творческий опыт Лаврова, вся его человеческая зрелость явились внутренней подготовкой к встрече с этой ролью. Рассказывает:

— Формирование ленинского образа для меня как исполнителя началось в давнем спектакле «Защитник Ульянов». От него уже шел к фильмам «Доверие», «20-е декабря», к спектаклю «Перечитывая заново...». Прикоснувшись к этой теме, старался о жизни Владимира Ильича узнать как можно больше. Внимательно читал ленинские труды. Подолгу, даже с лупой, вглядывался в его фотографии. Вслушивался в грамзаписи его речей. По многу раз просматривал уникальные киноплёнки, запечатлевшие живого Ильича... Я понимал, что образ такого человека никак не может исчерпываться лишь внешним внешним обликом. Я старался постичь процесс рождения ленинской мысли, чтобы чутко, говоря словами Блока, слышать музыку революции — ее сегодняшнее звучание...

Коммунист. Депутат Верховного Совета СССР двух созывов. Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Член президиума Центрального правления Всесоюзного театрального общества. Председатель Ленинградского отделения ВТО. Почетный член бригады коммунистического труда на Ижорском заводе. А сегодня он — в числе делегатов XXVII партийного съезда...

Конечно, столь напряженная общественная деятельность (а Лавров не умеет ни к одному своему поручению относиться формально) отнимает уйму времени, но по-своему и компенсирует эти потери: ведь стремительно обогащается жизненный опыт артиста, не притупляется постоянная ощущение своей нужности людям.

Лев СИДОРОВСКИЙ
Фото А. ДРОЗДОВА
ЛЕНИНГРАД

Лавров К

1986/II
101

ПОРАЗИТЕЛЬНАЯ ситуация в этом спектакле складывается с первых мгновений: в день приема по личным вопросам к заместителю министра здравоохранения одной из республик является неизвестный Посетитель и предлагает хозяину кабинета... добровольно уйти со своего высокого поста. Ни больше и ни меньше. Между тем уже фактически решен вопрос о назначении Андрея Андреевича Казмина на пост министра. Поначалу Казмину кажется, что Посетитель пьян. Однако эта версия скоро отпадает: человек, пришедший на прием, как говорится, в здравом уме и твердой памяти. Более того: ар-

же в том, что совесть Казмина жива, и когда он остался с ней один на один, когда не умом, а сердцем понял, как тесно его жизнь связана с жизнью (в буквальном смысле этого слова) других людей, он дрогнул. Нет, вовсе не о каком-то чудодейственном перерождении идет речь — просто человек нашел силы, мужество, чтобы вернуться к самому себе. Конечно, очень трудно человеку добровольно отказаться от нового, почетного назначения, оставить нынешний высокий пост, но еще сложнее ему дальше существовать в разладе с самим собой. Ведь само Время требует сейчас от нас предельной честности...

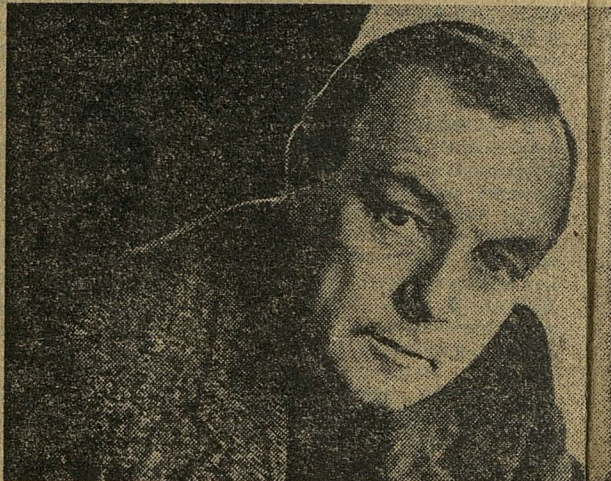
Слушаю Кирилла Юрьевича — и вновь ощущаю то, что чувствовал в зрительном зале тогда. Помню: хотя Лавров, без сомнения, хорошо знаком был в зале каждому, все мы в те минуты меньше всего воспринимали его как любимого, популярного актера. Да, в те мгновения этот человек — в строгом темном костюме, с легкой сединой в волосах — прежде всего был одним из нас, нашим современником, нашим чрезвычайным и полномочным представителем в этом непросто и принципиальном разговоре.

Имея солидный житейский опыт, он знает про своих героев нечто большее, чем заложено в пьесе или сценарии. Чаще всего между актером и его героем возникают удивительные отношения: Лавров не просто лицедействует, не просто становится другим человеком, а как бы оказывается рядом со своим героем, чтобы не пропустить мгновения, когда тому трудно, вовремя подсказать нужное слово, поддержать — пониманием, согласием... В такой ситуации начинает играть уже сама актерская мысль, а художественным оружием актера становится его человеческая позиция. Дабы убедиться в этом, достаточно вспомнить хотя бы некоторых его сценических героев, чей характер, чья нравственность благодаря личности исполнителя обрели особую силу и обаяние: Сергей из «Иркутской истории», Платонов из «Океана», Тулупов из «Трех мешков сорной пшеницы»...

И образы из классического репертуара, казалось бы, давным-давно ставшие хрестоматийными, в трактовке этого артиста вдруг открываются нам совсем неожиданными гранями своего характера, обретают новое звучание. Так было и с его Соленым в «Трех сестрах», и с Нилом в «Мещанах», и с Городничим в «Ревизоре», а особенно — с Молчалиным: известный персонаж из «Горя от ума» в трактовке Лаврова оказался отнюдь не мелкотравчатый и скользкий холуем, а, наоборот, предстал во всей своей устрашающей силе. И пораженный зритель ощутил, что стоит за этой фигурой. Актер почувствовал это по особому качеству тишины в зале.

СЛЫШАТЬ

**Герой
Социалистического
Труда,
народный
артист СССР,
делегат
XXVII съезда КПСС
Кирилл ЛАВРОВ
и его герои**

МУЗЫКУ РЕВОЛЮЦИИ

гументы, которые Посетитель выдвигает в пользу своего, казалось бы, нелепого предложения, заставляют Андрея Андреевича крепко задуматься...

Спектакль «Последний посетитель», который по пьесе В. Дозорцева на сцене Ленинградского академического Большого драматического театра имени Максима Горького поставил Георгий Александрович Товстоногов, посвящен XXVII партийному съезду. Поднятые в нем острые нравственные вопросы, касающиеся человеческих взаимоотношений и профессионального долга, честности и ответственности, заставляют зал то цепенеть до звенящей тишины, то взрываться овацией.

...Финальная сцена: Казмин остается со зрителем один на один — покинул кабинет Посетителя, ушел и помощник замминистра, передав Андрею Андреевичу листок с распоряжением на завтрашний день. Так неужели после всего, что случилось сегодня, завтрашний день вновь пойдет по этому же, столь привычному расписанию? Тяжело задумался Андрей Андреевич в полумраке кабинета. Его взгляд падает на ленинскую фотографию в портретной рамке. Пристально смотрит Владимир Ильич прямо в глаза Казмину. Снимок растет... Вот он, кажется, занимает уже все сценическое пространство... Казмин медленно берет лист-шпаргалку и рвет — еще, еще, еще...

А потом в гримерной Кирилл Юрьевич Лавров, еще не остывший от спектакля, вместе с журналистом размышляет о своем герое:

— Свой высокий пост Казмин наверняка оставит — во всяком случае мы с Георгием Александровичем Товстоноговым в этом уверены... Однако уважаю своего героя не только за этот поступок. Поступок — следствие, причина

Как-то уж так получается, что если на сцене или экране — Лавров, мелкого разговора быть не может вообще. Сама личность актера не располагает к чему-либо второстепенному, проходному, и, наверное, совсем не случайно в его «послужном списке» немало героев, так или иначе связанных с темой революции. Ну, например, комиссар «Авроры», матрос Швандя, Семен Давыдов... Или Ведущий из спектакля «Правду! Ничего, кроме правды!». Вероятно, такая работа может стать значительной только при том условии, если вложишь в нее собственное «я»: не просто общепринятое отношение к этим событиям, а именно СВОЕ, выстраданное. И артист это мое предположение подтверждает:

— Вот вы вспомнили о Ведущем. Работать над этой ролью оказалось особенно сложно, потому что автором не было задано никакого характера. Пьеса практически писалась прямо в театре, и в перечне действующих лиц сразу значилось: «От театра — Лавров». Поэтому искать в роли какую-то характерность возможности не было. Вместо этого требовался большой заряд гражданственности, убежденности в правоте нашего дела. И свои позиции отстаивать нужно было очень горячо и искренне. Ведь играл я нашего современника, который вместе со зрителем осмысливал позорный «процесс», на втором году Советской власти устроенный в США. Там — не более и не менее — «судили» Великую Октябрьскую революцию. Нет, я не мог себе позволить просто комментировать события. Я вмешивался в ход действия на сцене, иногда его останавливал, вступая в диалог с людьми из прошлого. Эта роль дорога мне именно своей боевой, гражданской позицией...

Что ж, этот человек отстаивать свою позицию — и художническую, и гражданскую — смолоду умел достойно.

Да, смолodu — потому что, когда в его детство ворвалась война, подросток без колебаний школьную парту сменил на токарный станок, а как только выпала возможность, ушел добровольцем в армию и потом долгие восемь лет нес службу на Дальнем Востоке.

— Конечно, было сложно, — вспоминает артист. — Было очень трудно. Но в результате, мне кажется, я прошел большую школу, которая впоследствии очень помогла и помогает сейчас — не только в жизни, но и в творчестве...

Именно там, в летней эскадрилье, он понял, что не в силах изменить фамильной традиции. Правда, в театральном институте учиться не довелось. Первая роль — там же, в далеком гарнизоне, на самостоятельной сцене, в симоновской пьесе. И когда после поступал в киевский театр, перед художественным советом читал стихи тоже любимого своего поэта Константина Симонова.

Надо же такому случиться, что спустя годы именно Симонов предложил молодому артисту БДТ в кинофильме «Живые и мертвые» главную роль, после которой на Лаврова обрушилась всесоюзная слава. (Вспоминается одна деталь из моей уже давней беседы с Константином Михайловичем. Когда я поинтересовался, почему на роль Синцова писатель выбрал именно Лаврова, который по своим чисто внешним данным портрету героя, обрисованному в романе, вроде бы не очень уж соответствует, Симонов улыбнулся: «Да, в книге Синцов — длинный, долговязый, а Лавров — среднего роста, но, пожалуй, все-таки лучше актер хороший, чем длинный».)

И совсем особое волнение испытывает актер, когда на сцену или на съемочную площадку выходит в образе Владимира Ильича Ленина. По существу, весь творческий опыт Лаврова, вся его человеческая зрелость явились внутренней подготовкой к встрече с этой ролью. Рассказывает:

— Формирование ленинского образа для меня как исполнителя началось в давнем спектакле «Защитник Ульянов». От него уже шел к фильмам «Доверие», «20-е декабря», к спектаклю «Перечитывая заново...». Прикоснувшись к этой теме, старался о жизни Владимира Ильича узнать как можно больше. Внимательно читал ленинские труды. Подолгу, даже с лупой, вглядывался в его фотографии. Вслушивался в грамзаписи его речей. По многу раз просматривал уникальные киноленты, запечатлевшие живого Ильича... Я понимал, что образ такого человека никак не может исчерпываться лишь верным внешним обликом. Я старался постичь процесс рождения ленинской мысли, чтобы чутко, говоря словами Блока, слышать музыку революции — ее сегодняшнее звучание...

Коммунист. Депутат Верховного Совета СССР двух созывов. Член Комитета по Ленинским и Государственным премиям СССР. Член президиума Центрального управления Всесоюзного театрального общества. Председатель Ленинградского отделения ВТО. Почетный член бригады коммунистического труда на Ижорском заводе. А сегодня он — в числе делегатов XXVII партийного съезда...

Конечно, столь напряженная общественная деятельность (а Лавров не умеет ни к одному своему поручению относиться формально) отнимает уйма времени, но по-своему и компенсирует эти потери: ведь стремительно обогащается жизненный опыт артиста, не притупляется постоянное ощущение своей нужности людям.

Лев СИДОРОВСКИЙ
Фото А. ДРОЗДОВА
ЛЕНИНГРАД